

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-90-103>
<https://elibrary.ru/TMAPVA>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2023. М. И. Щербакова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого как документ эпохи

Аннотация: В статье рассмотрены Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого в сравнении с мемуарными источниками и документами, отразившими события Крымской войны 1853-1856 гг. Примеры исторических свидетельств почерпнуты в трудах М. И. Богдановича, Э.И. Тотлебена, Х. Я. Гюббенета, Ф. К. Затлера, Н. И. Пирогова, Н. В. Берга, О.И. Константинова. Показано, что истоком жанровой природы Севастопольских рассказов стал военный опыт молодого офицера Толстого, создавшего панораму событий, сотканную из качественно иного, образно-художественного материала и обладающую неизмеримо большей силой воздействия, чем статистика и официальные документы. Проанализированы художественные приемы писателя в картинах севастопольского госпиталя, штурма Малахова кургана, ухода русской армии из Севастополя. Сделан вывод о том, что историческому масштабу военных событий соответствует художественный масштаб созданных Толстым Севастопольских рассказов. Автор не только не отступил от исторической правды, но раскрыл трагическую глубину и сакральный смысл Крымской войны в русской истории.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Севастопольские рассказы, Крымская война, Малахов курган, историзм, поэтика, документальность.

Информация об авторе: Марина Ивановна Щербакова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 16.03.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 28.04.2023

Дата публикации статьи: 25.06.2023

Для цитирования: Щербакова М. И. Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого как документ эпохи // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 90–103. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-90-103>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 90–103. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 90–103. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Marina I. Shcherbakova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Sevastopol Stories by L. N. Tolstoy as a Document of the Epoch

Abstract: The article deals with the Sevastopol stories of Leo Tolstoy in comparison with memoir sources and documents reflecting the events of the Crimean War of 1853–1856. The works of M. I. Bogdanovich, E. I. Totleben, H. J. Gubbenet, F. K. Zatlér, N. I. Pirogov, N. V. Berg, O. I. Konstantinov demonstrate the examples of historical evidence. The article shows that the source of the genre nature of the Sevastopol stories was the military experience of the young officer Tolstoy, who created a panorama of events woven from a qualitatively different figurative and artistic material and having an immeasurably greater impact than statistics and official documents. The analysis covers artistic techniques of the writer in the paintings of the Sevastopol hospital, the assault on the Malakhov Kurgan and the departure of the Russian army from Sevastopol. Summing up the results, it can be concluded that the artistic scale of the Sevastopol stories created by Tolstoy corresponds to the historical scale of military events. The author not only did not deviate from the historical truth, but revealed the tragic depth and sacred meaning of the Crimean War in Russian history.

Keywords: Leo Tolstoy, Sevastopol stories, Crimean War, Malakhov Kurgan, historicism, poetics, documentary.

Information about the author: Marina I. Shcherbakova, DSc in Philology, Director of Research, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6705-8707>
E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Received: March 16, 2023

Approved after reviewing: April 28, 2023

Published: June 25, 2023

For citation: Shcherbakova, M. I. “Sevastopol Stories by L. N. Tolstoy as a Document of the Epoch.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 2, 2023, pp. 90–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-90-103>

В русской и мировой литературе главным художественным шедевром о Крымской войне 1853-1856 гг. стали Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого: «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе 1855 года». Между тем уже первый рассказ, сразу по выходе в свет, был охарактеризован в официальной переписке как «статья литературно-патриотического содержания». Возможно, как предположила Н. И. Бурнашева, такой тактический ход И. И. Панаева «помог сломать непреступную стену цензуры на пути в литературу сочинений о севастопольской кампании» [Бурнашева: 393].

Первые отзывы критики были единодушны в высокой оценке и отмечали подлинность, документальную точность повествования [Гулин]. Эта «непридуманность» стала причиной того, что жанровое определение «Севастополя в декабре месяце» оказалось весьма расплывчатым: *отличная вещь, превосходная картина, описание, статья, заметки*. Подобный разнобой в определении жанра повторился и с «Севастополем в мае». Сам автор, отправляя рукопись Панаеву, назвал ее «Севастопольской статьей» и тут же — «моим рассказом» [Толстой 1935: 322]. В переписке современников и в первых критических статьях определение «рассказ» присутствует наравне с другими: *очерк, статья, вторая статья, новый севастопольский отрывок, статья о Севастополе*. И, наконец, «Севастополь в августе 1855 года» был воспринят современниками в контексте двух предыдущих публикаций Толстого, что сказалось на преобладавших жанровых определениях: *повесть, рассказ, военные очерки, статьи*. Собственно, и утвердившееся в истории литературы название всего цикла — Севастопольские рассказы — не легитимно с точки зрения авторской воли. Жанровая природа севастопольской трилогии Толстого берет начало в том жизненном опыте, который приобрел молодой офицер граф Лев Николаевич Толстой как участник Крымской войны и обороны Севастополя. «Не хочется и неприятно писать там, — признавался он брату Сергею

Николаевичу, — где не знаешь нынче, будешь ли жив завтра» [Толстой 2002: 387], — писать по старинке, повторяя штампы, придумывая, фантазируя.

Севастопольские рассказы не вписывались в сферу беллетристики и преимущественно воспринимались как документальный репортаж с места событий. Впрочем, на деле так оно и было. «По отзывам людей, бывших в Севастополе, заметки Толстого очень верны» [Толстой 2002: 397], — писал А. В. Дружинин. Силу правды ощущали все читатели, но оказывались перед загадкой: как это сделано? «Отечественные записки» обратили внимание на мастерство Толстого: «Он не сказал ни одной восторженной фразы и заставил вас восторгаться; описание его не изобилует восклицательными знаками, и, однако ж, вы удивляетесь на каждом шагу, удивляетесь всем, начиная от матроса и солдата и кончая командующими генералами» [Отечественные записки: 65]. Хорошо известны восторженные отзывы таких знатоков и ценителей художественного слова, как И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, С. Т. Аксаков, Ап. А. Григорьев, И. И. Панаев. Они сразу увидели в Севастопольских рассказах не документальную прозу, а художественный образ невероятной силы.

Героем Севастопольских рассказов, «которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен» [Толстой 2002: 130], Толстой называл правду — конечно же, правду художественную. О достоверности исторических документов, на которые преимущественно опирается наука, в частности, и в изучении Крымской войны, Толстому довелось узнать не понаслышке: по поручению начальника штаба артиллерии генерала Н. А. Крыжановского он составлял «Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками». «Это был лучший образец той наивной, необходимой военной лжи, из которой составляются описания» [Толстой 2002: 461], — вспоминал позднее Толстой.

Иной документ Крымской войны явлен в Севастопольских рассказах. Гений Толстого создал панораму событий, сотканную из качественно иного материала и обладающую неизмеримо большей силой воздействия.

Проведя читателя первого рассказа «Севастополь в декабре месяце» с Северной стороны, через переправу, на Графскую пристань и набе-

режную, в госпиталь в здании Благородного собрания — «дом страданий», в трактир, «чтобы послушать толки моряков и офицеров», автор переходит к панораме бастионов, особо останавливаясь на четвертом.

Пройти весь этот путь также есть возможность, перелистывая страницы четырехтомного труда М. И. Богдановича «Восточная война 1853–1856 годов», в котором с непревзойденной тщательностью и полнотой представлены документы и воспоминания очевидцев. При этом подчеркнем, что в них несравненно больше статистики и точных указаний, что, казалось бы, достовернее, чем художественный текст, передает исторические события.

Так, о состоянии медицинской и госпитальной части русских войск свидетельствовал Х. Я. Гюббенет: «Мы имели в Крыму военные госпитали только в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Керчи и Перекопе, всего на 1 950 кроватей да сверх того в симферопольской городской больнице могло быть помещено до ста больных. Присоединив к тому запасные средства госпиталей и лазаретный материал войск, мы едва ли могли призреть три тысячи больных» [Гюббенет: 2]. Генерал-интендант Южной, а позднее и Крымской армии барон Ф. К. Затлер приводит следующие цифры: «В начале ноября 1854 года из показываемых по спискам 126 323 строевых нижних чинов, кроме оставленных в госпиталях Южной армии около шести тысяч человек, состояло в госпиталях и лазаретах Крымской армии более 21 тысячи человек, всего же 27 244 человек, в числе которых раненых 10 553, не считая легкораненых, оставшихся на службе при войсках» [Затлер: 137]. Пробывши всю осаду в Севастополе и заведая госпиталями левого фланга, Гюббенет вспоминал: «Не было достаточно ни помещений, ни кроватей, которые не успели заготовить <...> (Ср. у Толстого: больные «одни на койках, большей частью на полу» [Толстой 2002: 84]). Не доставало ни белья, ни даже необходимой для больных пищи. Человек на триста, большей частью раненых, приходилось лишь по одному врачу, а в лекарствах и перевязочных припасах уже и в то время оказывался недостаток» [Гюббенет: 109]. В воспоминаниях Н. И. Пирогова сообщается, что дом Благородного собрания был главным центром медицинской деятельности. «Туда, среди падавших у самого входа ракет и бомб тянулись ряды носильщиков <...>. Огромная бывшая танцевальная зала в продолжение десятидневного бомбардирования беспрестанно наполнялась и опороянялась; в боковой, довольно большой, комнате,

на трех столах производились операции <...>. Обок с подвигами самоотвержения севастопольских героев на бастионах оборонительной линии совершались столь же дивные подвиги христианской любви неустоимых врачей и усердных сестер милосердия» [Богданович III: 272; Пирогов 1856; Дмитриев, Федоров].

Ни в этих, ни в других воспоминаниях очевидцев не найдем того, чем потрясает описание Толстого. Автор «Севастополя в декабре» обрушивает на читателя, которого он привел в «дом страданий», *запах, стоны, потрясающие душу зрелища; но дурному чувству, которое поражает, верить нельзя, страдальцам необходимы слова любви и участия*. И вот целая гамма, широкий диапазон внутренних ощущений и душевных переживаний: сначала *страх оскорбить несчастных, глубокое сочувствие*, затем *высокое уважение* и, наконец, *сознание своего ничтожества*: с которым *спокойно, без нерешимости пойдете на бастионы, т. е. на смерть*.

В «Севастополе в мае» испытание «домом страданий» не выдерживает князь Гальцин: он «вошел в первую комнату, взглянул и тотчас же невольно повернулся назад и выбежал на улицу. Это было слишком ужасно!» [Толстой 2002: 110]. Попутно отметим этот характерный прием Толстого-художника «проверять» своих героев. Как и в первом из Севастопольских рассказов, Толстой передает общее впечатление. Но как он это делает, как проникает в самые глубины человеческого сердца и запечатлевает там ужас войны, вызывая глубокое сострадание! «Лужи крови, видны на местах незанятых, горячее дыхание нескольких сотен человек и испарения рабочих с носилками производили какой-то особенный тяжелый, густой, вонючий смрад, в котором пасмурно горели свечи на различных концах залы. Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате» [Толстой 2002: 110]. Здесь же *деятельное практическое участие сестер милосердия, мрачные лица и засученные рукава докторов*.

Толстой сам дает читателю ключ к своей Севастопольской трилогии: правда войны — «не в этом множестве траверсов, брустверов, хитросплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли»; она «в глазах, речах, приемах, в том, что называется *духом защитников Севастополя*» [Толстой 2002: 92].

Штурм Малахова кургана — одно из знаковых событий Крымской войны. О нем подробно писали Э. И. Тотлебен [Тотлебен], О. И. Кон-

стантинов [Константинов], Н. И. Пирогов [Пирогов 1907], Н. В. Берг [Берг]. По этим и другим материалам картина воссоздана М. И. Богдановичем в главе XXXV «Штурм Севастополя». Представлена диспозиция коалиции, утвержденная заранее, 22 августа (3 сентября) и нацеленная исключительно на главную атаку — на Малахов курган. Также в главу включены сведения о расположении в день штурма гарнизона Южной стороны: на береговых батареях, на Городской стороне и на Корабельной. «Всего же в Севастопольском гарнизоне было: пехоты 96 батальонов и три дружины, в числе 41 300 человек, один стрелковый батальон, 400 человек; $2 \frac{3}{4}$ батальона саперов, до 1100 человек; в прислуге артиллерии 4000 моряков и 2200 человек сухопутного ведомства. А число людей вообще 49 тысяч» [Богданович IV: 95]. Более 20 страниц текста главы [Богданович IV: 97-118] посвящено исчерпывающему описанию обороны, которую держали четыре батальона трех полков (Модлинского, Прагского и Замостского), а затем введенные в дело полки (Олонецкий, Белозерский, Черниговский, Полтавский, Кременчугский, Муромский, Севский, Шлиссельбургский), указанию численности каждого из 21 батальона — всего «до семи тысяч человек» [Богданович IV: 110], имен военачальников обеих сторон, описанию героической гибели русских воинов (генералов Хрулева, Лысенко, Юферова, флигель-адъютанта Воейкова и др.). Богданович пишет: «Густая пыль, гонимая северным ветром навстречу союзникам, и дым от артиллерийской и ружейной пальбы не позволяли различать сигналов; но как только англичане заметили появление трехцветного знамени на Малаховой кургане, то генерал Кодрингтон повел войска на штурм 3-го бастиона» [Богданович IV: 111]. «Таким образом, — итожит свое дальнейшее описание Богданович, — неприятель, штурмуя разрушенные укрепления, обороняемые недостаточным числом войск, на пространстве от 2-го до 5-го бастиона успел овладеть только Малаховым курганом; на всех же прочих пунктах устояли защитники Севастополя. Занятие Малахова кургана дорого обошлось неприятелю» [Богданович IV: 116-117].

В рассказе «Севастополь в августе 1855 года» штурму Малахова кургана посвящена небольшая, 25-я по счету главка — полторы страницы, 65 строк. Она построена абсолютно просто: третью часть текста занимает панорама Севастополя — «красивого, праздничного, гордого» [Толстой 2002: 174]; более сжато описан сам штурм; здесь же — краткие

реплики русских морских офицеров, наблюдавших штурм с Телеграфной горы.

Глубокий трагизм исторического события подчеркнут контрастом описаний. *Темные пятна, темные полосы, черные точки* двигались к бастионам *ближе и ближе*, дым сливался в *лиловатое облако*; и когда *все звуки соединились в один перекатывающийся треск*, увидели знамя — «французское на Малаховом!» [Толстой 2002: 175].

Иначе создана Толстым в этой главе панорама Севастополя, окруженного «с одной стороны желтыми дымящимися горами, с другой — ярко-синим, играющим на солнце морем» [Толстой 2002: 174]. Город *все тот же*: недостроенная церковь, колоннада, набережная, бульвар, *изящное строение библиотеки, бухточки, живописные арки водопроводов...* О войне свидетельствуют *клубки белого дыма*, рождавшиеся то в самом городе, то по горам, то на неприятельских батареях. А надо всем происходившим на земле и на море — как сияющий ореол: «Солнце светло и высоко стояло над бухтой, игравшей с своими стоящими кораблями и движущимися парусами и лодками веселым и теплым блеском. Легкий ветерок едва шевелил листья засыхающих дубовых кустов около телеграфа, надувал паруса лодок и колыхал волны» [Толстой 2002: 174]. Отметим, что при первой публикации рассказа в «Современнике» (1856. № 1. С. 71–122) было ошибочно напечатано: «темным блеском». Несоответствие авторскому замыслу было обнаружено и тогда же исправлено в издании «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого» (1856).

Образ темных, дьявольских сил, неотвратимо нависших над русской национальной святыней, ползущих к ней вязкой смертоносной массой, стоит в одном ряду со строчками, созданными за два неполных десятилетия до штурма Малахова кургана и оставления Севастополя:

Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

М. И. Богданович свидетельствует, что «защитники Севастополя, обрешенные себя на гибель во славу нашего царя и Отечества, изнуренные непомерными трудами, но бодрые духом, были поражены молвой о предстоящем оставлении Севастополя. Особенно же моряки не мог-

ли свыкнуться с мыслью уступить неприятелю свой город» [Богданович IV: 125].

Этот трагический перелом Крымской войны был пережит Толстым лично: «Я плакал, когда увидел город в огне и французские знамена на наших бастионах; и вообще во многих отношениях это был день очень печальный» [Толстой 1935: 334]. Общее настроение защитников города запечатлено Толстым в художественных деталях, в портретных описаниях рассказа «Севастополь в августе 1855 года»: «На каждом лице видны были тяжелое волнение и ожидание чего-то ужасного» [Толстой 2002: 175]. Последний вопрос умиравшего Козельцова-старшего был: «Что, выбиты французы везде?» [Толстой 2002: 177]. Священник скрыл от него, «что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя» [Толстой 2002: 177]. В этом счастливом неведении он и умер с мыслью о брате.

Фокус авторского окуляра в Севастопольских рассказах настроен так, что «прекрасное историческое предание» [Толстой 2002: 93] о силе русского народа, идущее из глубокой древности, в своем временном приближении становится «достоверностью, фактом» [Толстой 2002: 93]. Читатель видит защитников Севастополя, «спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди непрерывного труда, бдения и грязи» [Толстой 2002: 93]. Но не эти увиденные вблизи достоверные картины цель художника. Историческому масштабу военных событий («Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» [Толстой 2002: 93]) соответствует художественный масштаб созданных Толстым Севастопольских рассказов. Одним из первых это отметил Н. А. Некрасов: «Меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда, избыток мимолетных замечок, сверкающих умом и удивляющих зоркостью глаза, богатство поэзии, всегда свободной, вспыхивающей внезапно и всегда умеренно, и, наконец, сила — всюду разлитая, присутствие которой слышится в каждой строке, в каждом небрежно оброненном слове, — вот достоинства повести» [Некрасов: 203-205].

В финале первого рассказа «Севастополь в декабре месяце» намечено какое-то страшное предзнаменование: солнце вдруг освещает багряным светом лиловые тучи и белые строения города. Этому цве-

товому контрасту вторит контраст звуковой: «По воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов с бастионов, которые странно вторят им» [Толстой 2002: 93].

В рассказе «Севастополь в мае» все так же «на бульваре, около павильона играла полковая музыка и толпы военного народа и женщин празднично двигались по дорожкам» [Толстой 2002: 95], солнце одинаково радостно светило всем, оставляя за каждым понимание того, что война есть преступление перед жизнью. И в то же время «тысячи людских самолюбий успели оскорбиться, тысячи успели удовлетвориться, надуться, тысячи — успокоиться в объятиях смерти» [Толстой 2002: 94]. Солнце «спускалось к далекому синему морю, которое, мерно колыхаясь, светилось серебряным блеском» [Толстой 2002: 95].

В «зыбливую мрачную ночь» ухода русской армии из Севастополя на небе ярко блестят только звезды и видны другие, смертоносные источники света: «вспыхивали по земле молнии, взрывы <...> освещали вокруг себя какие-то черные, странные предметы и камни, взлетавшие на воздух» [Толстой 2002: 180], в воде отражалось красное пламя пожара, огонь с Николаевской батареи освещал мост, «большое пламя стояло, казалось, над водой на далеком мыску Александровской батареи и освещало низ облака дыма, стоявшего над ним» [Толстой 2002: 180]. Взрывы потрясают воздух, говора не слышно, «только из-за равномерного звука разрезаемых волн и пара слышно было, как лошади фыркали и топали ногами на шаланде», командные слова капитана, стоны раненых и громкий плач Вланга о Володе Козельцове, своем «обожаемом прапорщике» [Толстой 2002: 178]. С тем же ночным морем в финале рассказа «Севастополь в августе 1855 года» дано сравнение севастопольского войска, которое «сливаясь, разливаясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой темноте прочь от места, на котором столько оно оставило храбрых братьев, — от места, всего облитого его кровью; от места, одиннадцать месяцев отстаиваемого от вдвое сильнейшего врага и которое теперь велено было оставить без боя. <...> Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился» [Толстой 2002: 181]. Здесь все тот же, знакомый по описанию штурма Малахова кургана, контраст света и тьмы.

Э. И. Тотлебен в своем «Описании обороны Севастополя» приводит показания очевидцев о том, что переправа совершалась при бурном северо-восточном ветре, «мост, нагруженный густой массой людей, орудий и повозок», сильно колыхался и был заливаем водой, но «устоял благодаря усердию моряков и саперов, стоявших у канатов и быстро подводивших под мост осмоленные бочки везде, где в том встречалась надобность. Иногда переходящим казалось, что мост разорвался и идет ко дну; толпы с криком бросались назад, и переправа останавливалась» [Богданович IV: 129].

У Толстого реальные подробности, сопровождавшие ночную переправу на Северную (*бурный северо-восточный ветер, волнение бухты, колыхание нагруженного моста, усердие моряков и саперов*), растворены во всеобъемлющем символическом образе моря, который вобрал в себя также и ратное море Севастополя.

Исторически верная точка поставлена писателем в словах простого севастопольского солдата: «Небось свой значок на кургане поставил, а в город не суется. Погоди, еще расчет будет с тобой настоящий — дай срок, — заключил он, обращаясь к французам. — Известно, будет! — сказал другой с убеждением» [Толстой 2002: 180]. Показательно, что и Богданович, несмотря на безусловный приоритет документальных источников, не прошел мимо мудрого народного слова, включив в свой труд (глава XXXV «Штурм Севастополя»), помимо сухих документов и статистики, эпизод из рукописных «Записок офицера, участвовавшего в обороне Севастополя». В день штурма 27 августа, в половине десятого вечера, два моряка чинили в библиотеке Севастополя часы с кукушкой: «Нам нельзя уходить, мы никакого распоряжения не получали; армейские могут уходить, а у нас свое, морское начальство; мы от него не получали приказания; да как же это Севастополь оставить? Разве это можно? <...> Мы здесь должны помирать, а не уходить; что же об нас в России скажут?» [Богданович IV: 125-126].

Художественный гений Толстого в Севастопольских рассказах, не отступив ни на шаг от правды, многократно подтвержденной документальными свидетельствами об историческом подвиге русского воинства в Крымской войне, обозначил сакральные смыслы [Щербакова] победы над врагом несокрушимого русского духа и заложил память об этой победе из рода в род.

Список литературы

Источники

- Берг Н. В.* Записки об осаде Севастополя. М.: Кучково поле, 2016. 478 с.
- Богданович М. И.* Восточная война 1853-1856 годов. М.: Принципиум, 2019. Т. III. 448 с.
- Богданович М. И.* Восточная война 1853-1856 годов. М.: Принципиум, 2019. Т. IV. 512 с.
- Гюббенет Х. Я.* Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854-1856 годах. СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1870. 185 с.
- Затлер Ф.* О госпиталях в военное время. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1861. 522 с.
- Константинов О. И.* Штурм Малахова кургана // Русская старина. 1875. № 11. С. 568-598.
- Некрасов Н. А.* Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года // Современник. 1856. № 2. Отд. V. С. 201-223.
- Отечественные записки. 1855. № 7. Журналистика. С. 47-94.
- Пирогов Н. И.* Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и Херсонской губернии, с 1 декабря 1854 по 1 декабря 1855 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1856. 33 с.
- Пирогов Н. И.* Севастопольские письма Н. И. Пирогова. (1854-1855). СПб.: Русское хирургическое о-во Пирогова, 1907. 231 с.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. М., Наука. 2002. Т. 2: Художественные произведения. 598 с.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1935. Т. 59. 386 с.
- Тотлебен Э. И.* Описание обороны г. Севастополя. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1872. 333 с.

Исследования

Бесов А. Г. О причинах и итогах Крымской войны 1853–1856 годов // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 5–10.

Бурнашѣва Н. И. Комментарии. Произведения 1852–1856 гг. // *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2002. Т. 2: 1852–1856. С. 283–517.

Гулин А. В. Лев Толстой и пути русской истории. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 253 с.

Дмитриев А. П., Федоров Д. А. Крымская война и русский мир в переписке Веры Аксаковой и Марии Карташевской // Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской. 1853–1856. СПб.: Росток, 2016. С. 3–26.

Щербакова М. И. Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого: духовные смыслы Крымской войны // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 2. С. 176–187. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-162-173>

References

Besov, A. G. “O prichinakh i itogakh Krymskoi voiny 1853–1856 godov” [“On the Causes and Results of the Crimean War of 1853–1856”]. *Vostochnyi arkhiv*, no. 14–15, 2006, pp. 5–10. (In Russ.)

Burnasheva, N. I. “Kommentarii. Proizvedeniia 1852–1856 gg.” [“Comments. Works of 1852–1856”]. Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t.* [Complete Works: in 100 vols.], vol. 2: 1852–1856 [1852–1856]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 283–517. (In Russ.)

Gulin, A. V. *Lev Tolstoi i puti russkoi istorii* [Leo Tolstoy and the Ways of Russian History]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 253 p. (In Russ.)

Dmitriev, A. P., and D. A. Fedorov. “Krymskaia voina i russkii mir v perepiske Very Aksakovoi i Marii Kartashevskoi” [“The Crimean War and the Russian World in the Correspondence of Vera Aksakova and Maria Kartashevskaya”]. *Krymskaia voina v istorii Rossii i v zhizni slavianofil'skogo semeistva: Perepiska Very Aksakovoi i Marii Kartashevskoi. 1853–1856* [The Crimean War in the History of Russia and in the Life of the Slavophile Family: Correspondence of Vera Aksakova and Maria Kartashevskaya]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, pp. 3–26. (In Russ.)

Shcherbakova, M. I. “Sevastopol'skie rasskazy L. N. Tolstogo: dukhovnye smysly Krymskoi voiny” [“Leo Tolstoy's Sevastopol Stories: Spiritual Meanings of the Crimean War”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 176–187. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-162-173> (In Russ.)